

Таскин Бхат

(Taskeen Bhat) — научная сотрудница кафедры английского языка и культурологии университета CHRIST (Бангалор, Индия). Сфера ее научных интересов включает исследования памяти и материальной культуры, текстильные нарративы, эстетику и устойчивое развитие. taskeen.bhat@res.christuniversity.in

Символы и мифы в орнаментике пашминовых шалей: семиотический анализ

Аннотация

Мотивы, украшающие пашминовые шали, служат визуальным свидетельством их связи с персидским искусством, оказавшим значительное влияние на Кашмир. Приход ислама в этот регион в XIV веке ознаменовал новую эру художественного самовыражения: мусульманские мастера стали использовать растительные и древесные мотивы для усиления эстетической привлекательности текстиля, архитектуры и других артефактов материальной культуры. Основная цель этого исследования — изучение мифов и нарративов, заключенных в орнаментальных мотивах кашмирских пашминовых шалей, с опорой на концепцию мифов Ролана Барта. Исследование переосмысляет мотив пейсли, связывая его

Статья впервые
опубликована
в журнале

Textile: the Journal
of Cloth & Culture
(2025. Vol. 23.1)

создание с творчеством кашмирских ремесленников, и вносит значительный вклад в документирование и сохранение кашмирского текстильного наследия. На основе анализа первичных данных работа предлагает новые интерпретации смыслов, заложенных в мотивах, и оспаривает устоявшиеся нарративы. В исследовании рассматривается значение растительных мотивов, часто используемых в пашминовых шالях. Работа опирается на выводы, полученные из первичных данных — интервью с кашмирскими учеными и ремесленниками, — а также на вторичные источники.

Ключевые слова: символика; миф; нарративы; пашминовая шаль; растительные мотивы; пейсли.

Введение

Несомненно, идеи Фрейда позволили внимательнее рассмотреть созвучия и расхождения множества значений, взаимодействующих внутри художественного символа. Изначально искусство создавалось не как средство самовыражения; скорее оно представляло собой поиск метафор, способных привлечь тех, кто искал в символах веры откровение незримого и скрытый смысл. По словам Гомбриха, «когда-то искусство служило символизму, а не символизм искусству» (Gombrich 1965). Посредством конденсации множество интерпретаций одного символа сливаются в единое значение. Символы передают множество смыслов, сообщая разную информацию одновременно. Так, красный цвет может обозначать самые разные вещи, в том числе коммунизм, смерть, опасность, сигнал «стоп», огонь и долг (Moon 2012).

До XIV века идентичность Кашмира в значительной степени формировалась под влиянием индийской культуры. Однако с установлением султаната в этом регионе возникли более глубокие связи с персидской культурой, в результате чего индийское влияние постепенно вытеснялось и на замену ему пришел персо-исламский элемент. Суфийские святые из Персии и Центральной Азии, такие как Бюльбюль Шах и Сайид Али Хамадани, сыграли ключевую роль в утверждении иранской ориентации кашмирской культуры. По мере распространения ислама в регионе кашмирские мусульмане искали вдохновение в центрах исламской культуры, посещая города персидского культурного мира. Кроме того, покровительство, оказываемое персам и персианизированным тюркам, еще более усилило персидское влияние на социальную и культурную жизнь Кашмира. Кашмир и Персия пользовались общим арсеналом символов и мотивов (Beardsley

2005). На протяжении истории Кашмир поддерживал культурные связи с Персией, что подтверждается такими артефактами, как плитка монастыря Харван¹ и древние скульптуры с сасанидскими чертами. Официальные обозначения, такие как *dihir* и *ganjavaga*, также свидетельствуют о персидском влиянии.

Приход ислама в Кашмир в XIV веке происходил преимущественно мирным путем: распространение религии осуществлялось в основном через проповедь, а не силой (Rizvi & Ahmed 2008). Мотивы кашмирских шалей отражают эти культурные взаимосвязи: мастера обращались к богатому и разнообразному набору природных форм — плодам, деревьям, а также цветам: розам, лотосам и ирисам (Savasere 2010). Арабеска, для которой характерны переплетение растительных элементов и абстрактные геометрические и растительные изогнутые узоры, является наиболее распространенным примером исламского искусства. В исламских культурах цветочные орнаменты украшали самые разные артефакты. Столь широкое распространение цветочных мотивов в исламском искусстве и архитектуре отражает центральное значение природы в мусульманских культурах и ее репрезентацию как важнейший аспект художественной выразительности (Kuiper 2010).

Императоры Великих Моголов, известные любовью к садам и природе, покровительствовали созданию произведений искусства, вдохновленных окружающим миром, — прежде всего ковров и тканей (Pathak 2003). Орнаменты из цветов и растений приобрели огромную популярность и стали доминировать в придворном искусстве Моголов (Verma 1999). Джахангир (1605–1627), правитель династии Моголов, был особенно очарован красотой кашмирских цветов весной и осенью, и это восхищение способствовало распространению флоральных мотивов в художественных практиках (Ibid.). Цветочные темы и орнаменты продолжают оказывать влияние на художников и дизайнеров, а растительные элементы остаются значимыми художественными мотивами в современном искусстве и дизайне (Khokhar 2012).

Опираясь на семиотический подход, основанный на теориях Соссюра и Барта, данное исследование стремится выйти за пределы простого описания и прийти к более глубокому пониманию орнаментальных мотивов на кашмирских шалах из пашмины. Если семиотика Соссюра закладывает основу для осмысления отношений между означающим (визуальным мотивом) и означаемым (глубинным культурным смыслом), то концепция мифа Ролана Барта позволяет рассмотреть, каким образом эти мотивы приобретают культурные значения, выходящие за рамки их буквального смысла. Барт утверждает, что

объекты в семиотической системе способны накапливать слои значений, или миф, формируемый историческими и культурными силами (Барт 2008). Цель данного исследования — декодировать мифы, встроенные в орнаментальные мотивы, и показать, как эти мотивы функционируют в качестве хранилищ культурной памяти и идентичности Кашмира.

Вместо того чтобы представлять символические значения как фиксированные или единственно верные интерпретации, исследование подчеркивает их статус культурных конструкторов, открытых для множественных прочтений в различных контекстах. Интегрируя семиотический анализ непосредственно в изучение мотивов, работа предлагает интерпретацию того, как пашминовые шали функционируют в качестве культурных артефактов, связывающих Кашмир с более широкими исламскими и персидскими художественными традициями и одновременно укрепляющих локальную идентичность.

На основе интервью с ремесленниками и исследователями, а также анализа литературных источников работа стремится раскрыть, каким образом орнаментальные мотивы способствуют формированию культурной идентичности и художественного наследия Кашмира. В ней рассматриваются коннотативные значения и мифология природных мотивов, таких как *Vadaam* (пейсли), *Daen posh* (цветок граната), *Gulaab* (роза), *Gulale* (тюльпан), *Pamposh* (лотос), *Guli aftar* (подсолнечник), *Anjeer* (инжир), *Voer pan* (чинар) и *Hee posh* (жасмин), широко представленных на шалях из пашмины и других кашмирских изделиях. Поскольку эти ботанические мотивы восходят к эндемичным видам растений, их можно классифицировать как геокультурные мотивы, определяющие культурное производство региона. Культурная география анализирует разнообразные культурные практики, социальные формы организации, репрезентации и значений в различных исторических, социальных и географических контекстах. Она подчеркивает подвижный и динамичный характер культуры, признавая ее активную роль в конструировании общества и влиянии на повседневную жизнь и пространственные конфигурации.

Данное исследование вносит вклад в изучение искусства и текстиля Кашмира, обращаясь к области, которой до сих пор уделялось сравнительно мало внимания. Предлагая взгляд на кашмирское искусство, основанный на свидетельствах из первых рук и аутентичных культурных нарративах, работа углубляет наше понимание истории исламского искусства и текстиля. Кроме того, она создает основу для дальнейших исследований художественного наследия региона. **(Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.)**